
АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ
ЧАСТЬ XII
ЗВЁЗДНАЯ КРОВЬ
ИЗГОИ

Алексей Елисеев

Звёздная Кровь. Изгой XII

Серия «Звёздная Кровь. Изгой», книга 12

https://litres.ru/74067644
SelfPub; 2026

Аннотация

Единство — суровое и жестокое место, которое тебе сразу напомнит о своей сути, если начнешь о ней забывать. Из-за последствий аварийного выхода из холодной гибернации, большая часть воспоминаний о прошлой жизни утрачена, но я узнал, что и здесь живут люди... И не только люди, и не вполне люди, и совсем не люди. Это я для них пришелец. Друзья меня называют Киром из Небесных Людей. Для врагов у меня есть другое имя — Кровавый Генерал. Большинство первостепенных задач решено. Пришло время наладить быт и основать форпост для наших соотечественников и колонистов с ковчега «Хельга», чтобы уже наконец относительно нормально зажить, но Единство, а может и сама судьба, снова ставит меня перед непростым выбором.

Объём книги планируется около миллиона символов т.е. два с половиной обычного объёма.

Прода: расписание на ближайшие десять глав - каждые два-три дня около полуночи по МСК

Содержание

506.	5
507.	18
508.	31
509.	43
510.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Елисеев
Звёздная Кровь. Изгой XII

506.

Я стояла у второго пирса Речных Башен, прижавшись плечом к свае, и смотрела на воду, стараясь отгородиться от всего, что происходило за моей спиной. Городской шум, превратившийся в сплошную давящую массу из криков, толкотни и бесконечных однообразных просьб, который уже день окружали меня. Через зеркальную гладь Белого Озера всё ещё тянулись цепочки плотов и лодок, увозя людей прочь. Эта суета изрядно утомила меня, и в какой-то момент я почувствовала, как отчаянно мне хочется выскользнуть из этого красивого, но невыносимо тяжёлого платья зажиточной горожанки, нырнуть в прохладную, обволакивающую глубину Белого Озера и уплыть от всего этого бардака как можно дальше, чтобы не возвращаться сюда хотя бы до вечера следующего дня.

За последние несколько недель я успела осознать одну простую истину, что руководить эвакуацией из окон особняка или с верхней площадки башни совершенно невозможно, сколько бы карт перед тобой ни лежало. С высоты всё наверняка казалось упорядоченным и понятным, виделись

ровные линии улиц, четкие контуры пирсов и складов, аккуратные очереди, которым не хватало лишь ярких стрелок для указания движения. Однако стоило мне спуститься на набережную, как эта мнимая аккуратность рассыпалась в прах, разбиваясь о первый же сундук, поставленный на проходе, или о родственника, который с надрывом пытался протащить больного старика, вцепившись в тяжелые мешки с добром. Я видела женщин с детьми, которые внезапно замирали посреди сходней, создавая затор, и понимала, что никакие карты и планы не учитывают человеческий страх и глупость.

В такие моменты здесь требовалось присутствие кого-либо из уважаемых семей, того кто мог бы быстро и беспрекословно решать все вопросы на месте, не вступая в долгие дискуссии. Было бы куда проще, если бы этим занялся кто-нибудь из ван дер Джарнов, а в идеале — сама баронесса, чьё слово имело бы абсолютный вес. Но Пипа ван дер Джарн на причале не появлялась ни разу, и поползли слухи, будто бы она занемогла и не вставала с постели вот уже четвёртый день. Эта новость вызвала у меня лишь глухое, пульсирующее в висках раздражение, потому что мне отчаянно не хотелось находиться здесь и следить за тем, чтобы одни, в общем-то, чужие мне люди, не затоптали других, не менее чужих.

Изначально я была уверена, что никто не станет меня слушать, ведь кто я в этой иерархии? Родня Кинга Народа Белого Озера по материнской линии, жена наёмника, чьё имя

вызывало у многих опасение. Но только и всего. Впрочем, внезапно для меня самой этот наёмник стал магистратом, довольно весомой фигурой в городском управлении Манаана, а при нынешнем вакууме власти, кроме Кира, на политическом горизонте вообще никого не наблюдалось. Разве что Каспиэл Акилла мог претендовать на внимание, но он отправился на остров Костей, чтобы обустроить эвакуированных горожан, и если вдуматься, то второй городской магистрат устроился куда более удачно, чем Кир.

Однако, неожиданно для всех деятельное участие моего супруга в обороне города, его огромный шагающий мех, зловещее имя Кровавого Генерала и репутация Красной Роты заставили людей прислушиваться к моим словам. А то, что я сама встала в первых рядах городского ополчения и подняла людей в контратаку, когда пришлось защищать Лагуну, только добавляло моим указаниям веса в глазах горожан, которые ещё вчера называли меня полукровкой и брезгливо кривились. Вместе с этим, серебристая шляпка Стигмата, вбитого в моё запястье, производила на них нужное впечатление, напоминая о силе Звёздной Крови, которая теперь была моей союзницей.

Погружённая в эти мысли, я не сразу заметила, в каком именно месте поток людей начал тормозить, превращаясь в плотную, бурлящую массу. Если бы я не услышала, как обычная портовая ругань внезапно приобрела опасные, предвещающие драку интонации, то упустила бы этот мо-

мент совершенно.

— Третью лодку пока не отправляйте, — распорядилась я, обращаясь к кормчему, который уже готовился отдать приказ к отплытию. — Заберите ещё двоих сидячих и отходите. Плот с лежачими подавайте под погрузку. Свежего никса из упряжи на плоту для раненых переставьте на вон тот тяжёлый плот.

Портовый пристав, коротко кивнув, быстро зашагал вниз по сходням, и я, наблюдая за его движениями, тут же перестроила свои расчёты в уме. Если один никс уходит на тяжёлый плот, значит, обе лодки придётся вести медленнее, полагаясь только на вёсла, и из этого следовало, что в следующий рейс нельзя сажать тяжёлых раненых, иначе транспорт вернётся слишком поздно. Следовательно, сидячих нужно было дробить на мелкие группы, а детей пока оставить под навесом у стены, чтобы не создавать лишней давки на пирсах.

— Лежачих считайте по местам, — приказала я, поворачиваясь к писарю, который с трудом удерживал равновесие в толпе. — Не по головам, а именно по занимаемому месту.

Писарь поднял жёлтый лист тростниковой бумаги, часть записей на котором уже безнадёжно расплылась. От сырости чернила потекли.

— Госпожа, но в списке, который мне дали, они учтены в человеко-единицах... — заканючил он, глядя на меня с надеждой на понимание.

— Уважаемый, в вашем списке они могут быть учтены

хоть в объёме или массе, — отрезала я, чувствуя, как терпение покидает меня. — В отходящей лодке лежачий занимает в два раза больше места, чем здоровый. Пока пометьте себе, а перепишете уже после, когда всё закончится. Этим некогда сейчас заниматься, вы понимаете?

— Понимаю, госпожа. Понимаю... — пробормотал он.

Клерк тяжело сглотнул и начал править цифры, чиркая пером прямо поверх прежних строк и оставляя грязные кляксы. В прежние, спокойные дни такой лист переписали бы заново, каждое исправление заверили бы у старшего по порту, а потом кто-нибудь ещё полчаса спорил бы о правильном порядке отправки. Раньше здесь хватало приставов, писарей, портовых старшин и охраны, но теперь всё изменилось. Последний оставшийся пристав в порту у складских ворот давно сорвал голос, угрожая штрафом человеку, который тащил под мышкой ребёнка и даже не повернул головы в его сторону. Второй писарь безуспешно требовал соблюдать очередь, пока мимо него с глухим стоном проталкивали очередные носилки. Кормчий на лодке ругался из-за перегруза, пока волонтёр с Литейного просто упёр приклад в грудь купцу, который вознамерился спасти два своих тюка с товаром.

Этот довод, грубый и прямой, люди понимали теперь быстрее всего.

Волонтёры, поставленные Киром у пирсов, выглядели так, будто стояли здесь не первое утро, хотя на самом деле прошло уже больше недели. Их рабочие куртки из грубой

парусины потемнели от моросящего липкого дождя, а лица посерели от бесконечной усталости, но магазинные винтовки они держали крепко, не выпуская из рук. Эти люди не стали объяснять каждому, как устроен процесс эвакуации, не разбирали семейных обстоятельств и не слушали длинные, жалобные рассказы о больных родственниках, забытых документах или ценном имуществе. Они просто разворачивали лишних, отодвигали прикладами тех, кто пытался пролезть без очереди, и безжалостно гнали назад всех, кто пришёл с тяжёлым грузом.

Пока что они стреляли только в воздух, чтобы привести толпу в чувство, но я знала, что Кир уже отдал им приказ открывать огонь на поражение в случае любой критической ситуации.

Очередной выстрел резко хлопнул над вторым пирсом, и толпа синхронно пригнулась, словно под ударом. Ребёнок у навеса тонко и надрывно заплакал, а ближайший никс, испугавшись резкого звука, дёрнул шеей, возмущённо фыркнул и резко дернулся в сторону. Плот с лежачими тут же пошёл боком, опасно накренившись к каменной опоре.

— Держите ремень! — рявкнула я, видя, как плот начинает уходить от причала.

Двое озёрников с пирса прыгнули в воду почти одновременно. Один ухватил широкий мокрый ремень упряжи, второй вынырнул прямо у большой головы животного и обнял её, стараясь успокоить водоплавающего зверя. Никс ещё раз

хлестнул хвостом, обдав сходни мутными брызгами и грязью, но в итоге успокоился. Плот скрипнул, сопротивляясь течению, и снова уткнулся в причал так, что к нему можно было поднести носилки.

Я уже смотрела на раненого с окровавленной, пропитавшейся сукровицей повязкой на груди. Бедолага был без сознания, его голова безвольно моталась в такт движению плота.

— Этого в середину, — распорядилась я, — у борта его просто прижмут. Женщину с двумя детьми отправьте к третьей лодке. Нет, не сюда... Здесь только лежачие. Кто может идти сам — вернитесь на набережную.

Молодая девушка рядом с ребёнком подняла на меня взгляд, в котором читалось отчаяние. Её рука дрожала, когда она пыталась удерживать повязку на плече худого, бледного мальчишки.

— Он может подождать... — тихо сказала девушка и тут же осеклась, заметив мой холодный взгляд.

— Тогда под навес. Следующий?

— Старик, — послышалось из толпы. — Нога раздроблена, потерял много крови.

— На большой плот... — начала была я, но заметила, как родственники старика попытались поднять вместе с ним тюк одежды и два увесистых мешка сушёной рыбы. Я увидела эти мешки раньше, чем они успели сделать вид, что всё это — часть одного общего груза.

— Рыбу оставьте в городе, — спокойно произнесла я.

— Это еда! — выкрикнул бородатый мужчина, в чьих глазах вспыхнула ярость.

— Старика посадить на плот. Один мешок можно, если разрешит кормчий. Второй оставьте на пирсе.

— Мы за него платили! — заорал он, переходя на крик.

Я не стала продолжать этот бессмысленный разговор, а просто посмотрела на ближайшего волонтёра. Тот сделал шаг вперёд, даже не поднимая винтовки, и бородач сразу понял, что торговля закончилась. Он с силой сорвал с плеча второй мешок и бросил его на влажные доски настила. Старика понесли дальше, и я даже не взглянула вслед уходящим.

Я ничего и никому больше не объясняла. Объяснения съели бы драгоценное время, а время в Манаане теперь стоило дороже ун или рыбы. Его сейчас нам оплачивали защитники города своими жизнями. Мой муж и отец моего ребёнка платил своей кровью... Сердце в груди тревожно сжалось.

Никаких объяснений не будет.

Под рукавом дорожного платья бугрилась серебристая шляпка Стигмата. Я чувствовала её постоянно и несколько раз ловила себя на искушении поставить Статичный Барьер поперёк всего подхода на пирс. Барьер мог бы мгновенно разрезать толпу на части, убрать лишних от сходней и дать мне возможность сделать несколько спокойных, глубоких вдохов.

Один раз мне уже пришлось это сделать.

Десяток мужчин с узлами рванули к плоту с лежачими, решив, что если они прорвутся на пирс, то их уже не скинут обратно. Я подняла руку раньше, чем волонтёры успели вскинуть винтовки. Полупрозрачная, мерцающая плоскость встала поперёк их движения. Двое ударились в неё плечами, третий выронил тюк, остальные сбились с шага, и волонтёры Литейного успели выдернуть их за воротники и поставить в общую очередь. Но тратить Звёздную Кровь на чужую глупость было слишком дорого.

— Сколько уже детей под навесом? — спросила я, стараясь вернуть внимание к спискам.

Писарь заглянул в свой лист, щурясь от дождя.

— Двадцать семь, сударыня. Нет, тридцать. Троих только что привели.

— Двоих старших девочек к первой лодке, если они без родителей. Малышей не разделяйте с матерями. Раненых от пролома в стене куда несут?

— К складам. Там собирают под охраной и с медицинской помощью.

Это было плохо. У складов ещё немного, и начнётся настоящая давка, а раненые рядом с такой толпой могут попросту быть затоптаны, и никто даже не заметит этого. Я уже видела такое в первый день, когда эвакуация ещё не была налажена. Один упал, второй пытался его поднять, третий начал кричать про ребёнка, четвёртый полез вперёд со своим раненым, и через минуту уже требовались не списки, а уда-

ры прикладами и выстрелы в воздух.

— Передай, чтобы самых тяжёлых перенесли сразу к воде, — распорядилась я. — Сидячих — к стене под навес к детям. Кто может идти сам, пусть идёт сам. Носилки не занимать теми, кто ещё держится на ногах.

Писарь кивнул и побежал выполнять поручение.

На третьем пирсе посадка внезапно застопорилась. Поток у сходней дёрнулся, задние начали напирать, создавая опасное давление, озёрник у борта лодки повернулся боком и присмотрелся к чему-то. Волонтёр шагнул ближе, но не ударил, а значит, там был не пьяный, не мародёр и не вооружённый человек. А значит, там требовалось моё присутствие. Я направилась туда.

Зажиточная манаанка в дорогой дорожной накидке, промокшей по нижнему краю и заляпанной глиной, вцепилась обеими руками в здоровенный, окованный железом сундук из камнедерева. Рядом стояли две девочки в одинаковых шерстяных платьях. Младшая плакала, уткнувшись лицом в рукав старшей, а та смотрела на озёрника и на волонтёра с винтовкой. Она поняла главное гораздо раньше своей матери.

— Это наше! — кричала горожанка, её голос срывался на визг. — Там документы собственности и приданое для девочек, всё наше! А мужа убили на стене! Вы не имеете права!

Сундук стоял прямо поперёк посадки и по своему размеру

занял бы три места. Если загрузить его в лодку, один лежачий раненый неизбежно останется на берегу. Или двое детей.

— Сундук на набережную, — спокойно приказала я, глядя ей в лицо. — Или вы не эвакуируетесь.

Женщина обернулась, узнала меня, и на одно мгновение в её чертах появилась надежда. Жена Кровавого Генерала здесь. Женщина, про которую ходят слухи. Она должна всё понять.

— Госпожа, там всё, что у нас осталось. Документы и вещи девочек. Мы не можем это бросить...

— Можете. Лодки и плоты берут на борт только людей. Девочек в лодку. Сундук на берег.

— Но документы...

— Тогда сундук в воду. Сейчас же.

Женщина открыла рот, но я не стала повторять. Я лишь посмотрела на волонтёра. Тот не поднимал винтовки и даже не угрожал, просто стоял рядом — злой, бесконечно усталый и готовый выполнить любой приказ. Второй доброволец с Литейного просто рванул сундук в сторону за ручку. Металл с противным скрежетом прошёл по доскам, внутри что-то звякнуло. Женщина дёрнулась было следом, но старшая девочка крепко схватила её за руку.

— Мама... — тихо произнесла она.

Этого одного слова хватило. Я кивнула и добавила:

— Верный выбор, уважаемая. Жизнь дороже.

Женщина пошла к лодке, шатаясь, будто у неё подломи-

лись колени. Девочек посадили у носа, рядом с двумя худыми мальчишками и женщиной с перевязанным плечом. Сундук остался лежать на набережной, и я не стала интересоваться ни его дальнейшей судьбой, ни содержимым.

— Следующий...

Писарь вывернулся откуда-то сбоку, прижимая к груди дощечку с исписанным жёлтым листом. Он держал эту бумагу так осторожно, будто от неё зависел весь город. Но это было не так, город теперь зависел только от лодок, никсов, гребцов, винтовок волонтёров и от того, сколько ещё люди у пирсов выдержат без стрельбы на поражение.

— Госпожа Дана, свежие числа, — запыхавшись, сообщил он.

— Что там?

— Сейчас в рейсе девять лодок и четыре плота. Две лодки тянут никсы, остальные на вёслах. У причалов пять лодок и два плота под тяжёлых. Ещё один плот ниже по течению, но у него порвался один из ремней, пристали к берегу и чинятся. Озёрники помогают, так что должны до ночи управиться. По южным кварталам ещё не прошли. От стены продолжают поступать раненые. У складов снова собираются люди, а там проход узкий. Надо бы волонтёров туда отправить, человек десять. Иначе там снова может быть давка.

Я на секунду закрыла глаза, чтобы шум и мелькание толпы не мешали мне складывать числа в уме. Один плот временно выбыл. Южные кварталы ещё не тронуты. Раненые уже

поступают. У складов давка. Следующий рейс нельзя отдавать семьям и имуществу, детей и раненых нужно отправить в первую очередь.

Я открыла глаза.

— Двух волонтёров у складских ворот не трогать. Наоборот, отправьте туда ещё троих. Пусть режут поток до того, как люди увидят лодки. Плот с лежачими не забивайте сидячими. Южным кварталам пока ничего не обещать. Если кто-то начнёт кричать про право и очередь, пусть выйдет на стену и покричит с неё на ургов.

507.

Писарь кивнул, но не ушёл, замявшись.

— Госпожа... если сюда ещё и с южных кварталов придут, мы не удержим всех.

Я посмотрела на воду. У причала никс снова бил хвостом, озёрник ругался гортанно и с силой тянул ремень на себя. Лодка отходила перегруженная, борт сидел слишком низко, почти касаясь воды. Кормчий на корме орал, чтобы люди не вставали и не хватали соседей, а на берегу уже поднимали новые носилки и несли их на пирс.

— Поэтому они и не должны прийти все сразу, — кивнула я писарю. — Передай приставу, чтобы группы дробил ещё до подхода к набережной. Сундуки, телеги и лавочное добро разворачивать надо до ворот. К воде пропускать людей. Только живых людей. Поздно пытаться спасти барахло.

Писарь сорвался с места, а я осталась стоять у сходней, глядя на манящую водную гладь.

Сзади снова грохнул выстрел, на этот раз совсем близко к складским воротам, и по набережной тяжёлой волной прокатилось знакомое движение людей, когда даже самые отчаянные на мгновение втягивают головы в плечи, а затем начинают орать ещё громче, потому что страх, если его вовремя не пристрелить или не задавить изнурительной работой, стремительно ищет выход и у многих трансформируется в наг-

лость. У ближайшей сходни какая-то баба с разбитой, кровоточащей губой пыталась объяснить волонтёру, что её брат остался там, в городе, что ей нужно вернуться, что она всего на минуту, только забрать, только найти, только успеть сказать или убедиться, что он жив. Волонтёр слушал её с каменной физиономией. Он-то за одно только это утро уже раз двадцать услышал про эти бесконечные «только», и молча перехватил винтовку поперёк прохода, не давая ей ни прорваться к воде, ни броситься обратно в придавленную страхом толпу.

Я отвернулась от озера и снова заставила себя смотреть на людей, хотя взгляд так и тянуло вернуть назад.

Манящая гладь, прохладная глубина, тёмная вода, в которую можно было уйти одним единственным движением, оставив за спиной крики и стоны, бесконечные списки и рваные грязные повязки, сундуки и претензии. Всё это казалось таким прекрасным в мечтах, но в реальности рядом со мной стоял простуженый писарь с расплывшимися на бумаге цифрами, за спиной хрипела и давилась набережная, а на городской стене Кир и его люди покупали время тем, кто мог бы сражаться за свой дом. И покупали они его, разумеется, не красивыми словами, а кровью, болью, патронами, Звёздной Кровью и живыми телами, которые в этот самый миг принимали на себя сокрушительный удар Орды. Часть из тех мужчин и женщин, толпящихся на набережной, так точно могла бы взять в руки оружие, а не создавать проблемы в очередях

на эвакуацию. Подумалось, очень запросто и стало немного мерзко от самой себя. Я не хотела суждить у кого какой долг, мне просто надо было в воду. Но каков мой долг мне было хорошо известно – благополучие семьи и рода, а чтобы достигнуть этого нужно просто помогать своему супругу. А значит это только то, что пока он на передовой, я додэна организовать чтобы всё было нормально в тылу. Значит прийдётся продолжать торчать здесь, изображая из себя важную госпожу.

— Сударыня! Сударыня Дана! — окликнули меня справа.

Я повернулась и получилось резче, чем планировала, и сразу почувствовала, как тяжёлая ткань платья неприятно натянулась, сковывая движения. В этом наряде можно было сидеть за столом, принимать гостей, изображать приличную горожанку и делать вид, будто на мне не висит ответственность за половину всей этой эвакуации. Для пирса, дождя, крови и озёрных Никсов оно годилось примерно так же, как фарфоровая чашка для забивания ржавых гвоздей.

Ко мне, расталкивая людей, пробирался молодой тип весь перемазанный в копоти. Сначала я приняла его за одного из волонтёров с Литейного, потому что в этой толпе теперь все мужчины с винтовками, ножами и перевязями начали походить друг на друга, но затем я заметила на его рукаве повязку фельдъегеря. Он был без плаща, с глубоким порезом на скуле, с чужой кровью на манжете.

В руках у него не было ни записки, ни дощечки, ни пере-

вязанного шнуром приказа. Это мне сразу не понравилось.

Записка, даже самая короткая, оставляет человеку несколько лишних мгновений, чтобы собраться с мыслями. Можно принять её, медленно развернуть, прочитать, перечитать, задать уточняющий вопрос или сделать вид, что смысл требует раздумий. Устное сообщение такой роскоши не даёт.

— Я от Кровавого Генерала, сударыня! — выдохнул гонец, остановившись передо мной и тяжело дыша. — У меня для вас от него послание!

Я не стала спрашивать, где он сейчас, что происходит со стеной и почему нет письменного приказа. Всё это было написано у гонца на лице гораздо понятнее любой бумаги. Довольно и того, что он жив.

— Говори... — процедила я.

Он сглотнул, мельком глянул на воду, на плоты, на озёрников у никсов, затем снова посмотрел на меня и произнёс одно-единственное слово.

— Пора...

Слово вышло негромким и обыденным. Так зовут к обеденному столу, торопят ребёнка, прекращают какой-нибудь затянувшийся разговор или напоминают слуге о подаче блюда. На этой набережной оно прозвучало хуже самого надрывного крика, потому что Кир никогда не стал бы гонять посыльного ради какой-нибудь ерунды, а я слишком хорошо понимала, какое решение мы отодвигали до последнего воз-

можного мгновения.

Во рту у меня сразу сделалось сухо, хотя вокруг всё было влажным от мороси. В памяти на миг всплыло лицо Кира, то его беспощадное выражение, какое у него возникает только на войне или в моменты опасности. Тогда он замыкается, говорит мало и строго по делу, отсекая всё лишнее.

Пора...

Значит, пролом уже не просто пролом. Значит, там потребовался Кинг и его Восходящие. Не завтра и не после ещё одного рейса, а прямо сейчас.

Рядом со мной стоял один из Народа Белого Озера, тот самый, что недавно успокаивал никса. Широкоплечий и мускулистый, по пояс обнажённый, с широким ножом на ремне, с кожей серо-зелёного оттенка. Он услышал слово и повернулся ко мне.

— За Кингом? — спросил он.

Я замешкалась с ответом. Если сейчас снять с переправы лишних людей Белого Озера, одна из лодок уйдёт позже. Если уйдёт позже одна лодка, следом встанет вся эвакуация. Если встанет эвакуация, толпа может подавить тех, кто уже лежит на носилках. Если начнут страдать раненые, волонтёры Литейного сперва снова выстрелят в воздух, затем кто-нибудь ударит прикладом, потом кто-нибудь выхватит нож, и вся наша налаженная, хромая и простуженная эвакуационная машина развалится прямо у меня в руках. А потом те, кто ничего в своей жизни даже не пытался организовать,

кроме своего похода в уборную, скажут, что это Дана Быстрый Плавник не справилась.

А если я не пошлю за Кингом, Кир и его соратники останутся без помощи, ради которой он вообще прислал это короткое «пора».

Вот тебе и выбор, Дана. С одной стороны дети, раненые и эвакуация вообще. С другой стороны супруг, твой и твоих сестёр. Очень изысканно. Прямо изящный танец на битом стекле.

— Что у нас по цифрам? — сказала я, заставляя себя говорить не громче обычного. — Сколько людей Белого Озера занято на плотах, сколько у никсов, сколько на лодках, сколько можно снять без остановки эвакуации и сколько нельзя трогать вообще. Мне не нужны слова «много» или «мало». Только точные цифры по людям.

Писарь у меня за спиной дёрнулся, затем сорвался с места, прижимая к груди свою планшетку. Второй клерк, стоявший у навеса с детьми, замешкался, и я просто указала ему рукой на воду.

— Давай бегом к кормчим. Быстро, — гаркнула я, чего не позволяла себе в другое время.

Он побежал, оскальзываясь на мокрых досках, и я проводила его взглядом только до первой группы носильщиков, которые тащили очередного раненого. Один из носильщиков оглянулся в мою сторону с таким видом, словно хотел спросить, куда именно его нести, но я уже подняла руку и пока-

зала на большой плот.

— Туда несите. Ближе к середине расположите. Не у края, — распорядилась я.

— Если ты пошлёшь за Кингом, госпожа, надо снимать всех людей Белого Озера, — решительно сказал мускулистый с ножом, — Всех, кто может держать оружие. Переправа подождёт один день. Пора утопить ургов в их собственной крови, как мы им устроили на переправе...

— Нет, — перебила его я.

— Нет?

— Нет. Твоя смелость и звучит хорошо, и выглядит прекрасно. Но это до тех пор пока не начинает убивать конкретных людей. Наших людей.

Он вздрогнул, потому что ответ вышел коротким и твёрдым, а я не собиралась смягчать его ради чужого самолюбия.

— Но если твой супруг Кровавый Генерал прислал...

— Один рейс здесь не один рейс, — перебила я его. — Нельзя останавливать эвакуацию.

Молодой озёрник поджал губы, словно хотел возразить что ещё, но удержался. И правильно сделал. Я бы и сейчас не стала ему ничего объяснять.

Пожилой озёрник с перевязанной ладонью, до этого молча слушавший разговор, качнул головой и сказал:

— Слушай Дану, малёк. Она по делу журчит.

Я уже набрала воздух, чтобы ответить, когда к нам прорвался второй гонец.

Этот был не от Кира. Он не бежал, а скорее тащился на одном упрямстве, вваливаясь плечом в людей, едва не падая и снова выправляясь. Волонтёр у входа на пирс хотел его остановить, но тот только поднял руку с привязанной меткой, и волонтёр сразу отступил.

— Доклад от пролома, сударыня! — выговорил он, остановившись в трёх шагах от меня.

Я увидела, как его губы дрожат от запредельной усталости. Таких людей не торопят. Они и так уже принесли всё, что могли.

— Говори... — всё же потребовала я.

— «Испепелитель» сжёг машины. Две точно. Третья горит. Но вторая волна идёт дальше. Тысячи, может десятки тысяч. Старший офицер гвардии ван дер Фус, передаёт чтобы вы ускорили эвакуацию. Нас могут опрокинуть в любой момент.

Вокруг меня несколько десятков человек перестали двигаться и замолчали. Писарь застыл с пером над листом, волонтёр у сходни чуть опустил винтовку и облизал губы, а старший озёрник уставился на гонца так, будто тот не принёс новость, а положил перед ним отрезанную голову.

Тысячи...

После сожжённых машин...

Орда не откатывалась, не ждала и не берегла бойцов. Они просто гнали пушечное мясо дальше, через огонь, через развороченную землю, через трупы, через всё, что у нормально-

го командира уже давно стало бы причиной остановить атаку и пересчитать потери. В Орде, судя по всему, думали иначе. Или не не думали вовсе, что в данном случае выходило почти одним и тем же.

Я закрыла глаза на один вдох.

— Эвакуация продолжается, — сказала я. — Снять только тех бойцов, кого их старшие назовут заменяемыми. Сформировать отряд из всех кто может и хочет сражаться. Двигайтесь в особняк Кровавого Генерала, там спросите Нейлу — она примет командование над отрядом. Остальных, не снимать. Эвакуацию продолжать.

Пожилой озёрник посмотрел на меня тяжёлым взглядом. В его взгляде не было ни радости, ни согласия, только точное понимание, что сейчас я делаю то, за что потом будут спрашивать не с Кира, не с волонтёров Литейного, не с городских писарей и не с Пипы ван дер Джарн, которая очень удачно слегла в самый критический момент.

С меня. И если меня признаю виновной, моя неудача ляжет тенью на репутацию Кровавого Генерала.

— Я думал, что ты поведёшь нас в бой, принцесса, — проворчал пожилой.

— Обязательно, — согласилась я. — Но сейчас у меня иная задача.

Старший озёрник кивнул, хотя по лицу было видно, что кивок дался ему с трудом.

— Кого посылать к кингу, принцесса?

Я посмотрела на быстрого никса, которого держали чуть в стороне от общей работы. До этого я почти не обращала на зверя внимания, потому что их держали здесь для срочных сообщений и разведки. Молодой озёрник, почти подросток, стоял рядом с ним по колено в воде, обеими руками удерживая ременный повод, и всё время косился на меня, как тот, кто уже понял, для чего я сейчас пристально смотрю на него.

Гонец мог бы поехать сам. Мальчишка на быстром Никсе тоже мог бы справиться. Любой из старших Белого Озера, если его снять с переправы, добрался бы до кинга и передал бы слова. Но гонец потеряет время на то чтобы попасть к кингу напрямую, а затем объяснить ситуацию. Подростка и вовсе могут не пустить, пока не уточнят, кто послал, почему немедленно, что именно случилось, почему не пришла сама Дана. А то и вовсе передадут сообщение по цепочке, что, в общем-то, тоже небыстро. Старшего нельзя снимать, потому что он нужен здесь, у пирсов, среди плотов, никсов, волонтёров и людей, которые вот-вот начнут грызть друг друга за место у воды.

А меня узнают сразу. Очень неприятное преимущество, но всё-таки преимущество.

— Никого не надо посылать, — ответила я. — Я сама отправлюсь в Тропос.

Старший озёрник моргнул, словно услышал неприличную шутку на похоронах.

— Но принцесса...

— Ты остаёшься у причалов, — перебила я его. — Никсы, плоты и посадка на тебе. Волонтёры с Литейного стоят у входа на пирсы и у сходней. Без очереди никого не пускать, с сундуками тоже, стрелять в воздух только по приказу старшего. Писари считают людей. Детей в ближайшие лодки без очереди. Тяжелораненых на плоты и тоже без очереди. Если я не вернусь быстро, эвакуацию не останавливать.

Я говорила быстро, пока кто-нибудь не успел проявить заботу, благородство или другую разновидность вредной инициативы. Все вокруг притихли. И не мудрено, тон у приказа изменился. До этого я решала, кого посадить на плот, какой мешок оставить на берегу и сколько лежачих влезет в лодку. Теперь я отдавала переправу в чужие руки и снимала с себя платье прямо посреди набережной.

Последнее, как выяснилось, люди заметили особенно быстро.

Я расстегнула верхние крючки дорожного платья ещё на ходу. Тяжёлая ткань, промокшая от дождя и речной сырости, неохотно пошла с плеч. Я зло дёрнула её вниз, потому что возиться с приличиями на пирсе, где за сундук готовы убить лежачего раненого, было бы окончательным безумием. Кто-то из женщин ахнул. Один из волонтёров с Литейного смущённо отвёл взгляд в сторону, другой, наоборот, уставился так, что я запомнила его физиономию на будущее. Пригодится. После войны, если мы все до неё доживём, можно будет поручить ему самую мерзкую работу.

— Почему все замерли? — спросила я, стягивая платье. — Работайте. Эвакуация продолжается.

Ближайший волонтёр поймал брошенное платье обеими руками и так растерялся, будто я сунула ему не мокрую дорогую тряпку, а личное знамя дома Джарн. Под платьем на мне осталась нижняя рубашка. Я рванула завязки на вороте, сбросила лишнюю ткань с плеч, вытянула из волос первую шпильку, потом вторую, а дальше причёска не выдержала сама. Серебристые локоны рассыпались по спине.

По толпе прошёл короткий, почти неприличный вздох.

Да, конечно. В городе пролом, у воды раненые, Орда лезет тысячами, а они всё равно нашли, на что посмотреть. В этом, наверное, и заключалась главная устойчивость разумных рас. Даже на краю большой братской могилы кто-нибудь обязательно отвлечётся на красивую обнажённую женщину.

— Если кто-то из вас забудет своё место и долг, — сказала я, не повышая голоса, — я вернусь и лично отправлю его вплавь за ближайшей лодкой.

Старший озёрник, кажется, едва заметно усмехнулся.

Я скинула обувь, и босые ступни сразу ощутили шершавые доски. В этот миг мне даже стало легче, потому что между мной и этой гнилой набережной исчезла последняя тонкая прослойка приличного городского вида, которая так долго служила мне щитом. Платье, туфли на каблуках и все эти вежливые, выверенные объяснения оставались теперь на берегу, и я понимала, что в воде от них толку не будет.

Подросток поклонился, и стараясь не смотреть мне в лицо, повёл Никса ближе к краю пирса.

Зверь оказался не самым крупным среди тех, что обычно впрягались в работу у причалов, зато он был длинным, узким и пугающе гибким. Я разглядывала его гладкую тёмную спину, сильную шею и зубастую морду. Уловив мой запах, Никс громко фыркнул, с силой ударил хвостом по воде и покосился на собравшуюся толпу круглым чёрным глазом, в котором читалось явное отвращение. Впрочем, я его прекрасно понимала, потому что эта толпа не нравилась и мне.

508.

— Он быстрый, принцесса, — пробормотал подросток, протягивая мне повод, и в его голосе слышалась неуверенность. — Но он очень любит глубину.

— Тем лучше, — отрезала я, не глядя на мальчишку.

— Если он пойдёт под водой, держитесь крепче за шейную перевязь, — добавил он, замирая. — Ремень нельзя тянуть резко, иначе зверь просто уйдёт вниз, на самое дно.

Я взяла ремень в руки, медленно проверила пальцами мокрую кожу, надёжность узла, крепление у шеи и боковую петлю. Никс забеспоеоился в воде, снова фыркнул, и я кожей почувствовала, как под его гладкой шкурой мощно и ритмично прокатилась работа мышц. Хороший зверь, хотя нервный и злой, но судя по всему быстрый. Для срочного сообщения он подходил идеально.

— Куда вас отвезти?

— Никуда, я быстрее обернусь сама. Ты остаёшься здесь.

Он кивнул, хотя я заметила, как у него дрогнули губы. Мальчишка был ещё слишком молод, чтобы спокойно смотреть на то, как жена Кровавого Генерала обратила внимание на него и собирается на его никсе отправиться к самому Кингу. Я шагнула в воду и потрепала зверя по холке.Я шагнула в воду и похлопала никса по холке. Зверь повернул ко мне морду, приоткрыл зубастую пасть, фыркнул и уда-

рил хвостом по поверхности мутной прибрежной воды так, что брызги долетели до ближайшей сваи. Подросток-озёрник сразу подтянул повод, но я подняла ладонь, и он замер. Никс был быстрый, нервный и диковатый — для моей задачи такой зверь подходил куда лучше флегматичного тяглового скота, который тянет плот, слушается каждого рывка и думает только о корме. Мне нужен был хищник, способный преодолеть воды Белого Озера кратчайшим путём и довести меня до Тропоса раньше любого гонца.

Я вошла глубже. Вода поднялась до живота, груди, сомкнулась над плечами, и на мгновение я почти перестала слышать набережную. За спиной всё ещё кричали, ругались, стреляли в воздух, требовали место в лодках и тащили к пирсам раненых, но шум стал глуше, словно между мной и Речными Башнями выросла незримая стена. Тело, измученное тяжёлым платьем, чужими просьбами и сухопутным бардаком, наконец вспомнило, как это — быть в воде. Облегчение оказалось таким сильным, что меня саму передёрнуло. От наслаждения и отвращения к себе.

Я хотела уйти в воду. Хотела сбросить платье, перестать считать места для лежачих на плотах и смотреть на чужие сундуки, чужих детей и горожан, тянущихся к последнему месту на плоту. Теперь я действительно уходила. Голая, свободная. Вот в чём была мерзость этой ситуации.

Но тело уже отозвалось, меня тянуло на глубину. Плечи расправились сами. Волосы потянуло назад. Дыхание выров-

нялось, хотя в мыслях я всё ещё стояла у пирса.

А мой супруг в это самое время, пока я наслаждалась, рисковал своей жизнью. Проливал свою и вражескую кровь. Оставалось надеяться, что вражеской крови окажется куда как больше его собственной.

Я стиснула зубы так, что заныли челюсти, крепко ухватилась за грубую кожу шейной перевязи никса, легла и плотно прижалась к гладкой тёплой спине. Я ощущала всем телом, как перекатывались узлы сильных, плотных мышц, когда зверь начинал двигаться. Нащупав коленями боковые ремни, я ещё раз проверила надёжность своей посадки и заставила себя полностью игнорировать людей, собравшихся на берегу. Пусть они хоть шеи себе свернут. Сейчас не было времени на чужие жадные и любопытные взгляды, потому что мне нужно было как можно скорее добраться до Кинга, сообщить о том, что происходит, и единолично взять на себя всю ответственность за этот зов.

С этой задачей можно было справиться за минуту, если бы я решилась отправить гонца. Мальчишка сел бы на быстрого никса, стремительно ушёл в воду, а затем мог бы просто исчезнуть в глубине, не оставив и следа. Воды Белого Озера слишком глубоки и коварны, а местные кланы никогда не были в восторге от того, что Кинг решил заключить союз с сухопутниками. Слишком велико было бы для них искушение избавиться от одинокого посланника, чтобы потом развести руками и заявить, будто тот не добрался, утонул

или его забрала пучина. Со мной такой номер провернуть оказалось бы куда труднее. Меня знали в этих водах. Я член королевской династии. За полукровку мстить, может, будут не так охотно, как за полноправного наследника, но если я не вернусь, Киру не придётся мучительно гадать, на каком именно месте оборвалась моя жизнь. Быть может, между нами и нет яркой любви, такой как мне хотелось бы, но он обязательно найдёт виновных и спросит с них сторицей за мать своего сына.

— Пошёл, — выдохнула я и ощутимо шлёпнула никса по боку.

Зверь рванул с места так резко, что у меня на мгновение перехватило дыхание и воздух буквально выдавило из груди, прежде чем я успела нормально набрать его в лёгкие. Я плотно прижалась к спине всем телом, сознательно отпуская лишнее напряжение в руках и позволяя животному самому выбирать путь, пока он нёс меня в верном направлении. Парнишка у пирса не соврал. Его никс действительно оказался резвым и с характером, к таким всегда требуется особый подход. Не теряя времени, он сразу понёс меня на глубину и стремительно нырнул.

Холодные воды Белого Озера сомкнулись надо мной, и все береговые звуки мгновенно отступили, сменяясь глухим однообразным гулом глубин. Позади осталось всё: и крики, и давка, и мокрые сходни, а передо мной расстилалась лишь бесконечная зелёная глубина, я чувствовала обжигаю-

щий холод на коже и мощную спину зверя под своей грудью. Первое мгновение я просто крепко держалась, ожидая, пока моё тело окончательно войдёт в ритм движения.

Надо мной, словно грозовые облака в ветреную погоду, стремительно пролетали днища перегруженных лодок и плотов. Я видела мутные, едва различимые силуэты людей, свисающие кожаные ремни и широкие, массивные очертания других никсов. От пирсов течение тянуло обрывки грязных тряпок, щепу, солому и мелкий мусор, который неизменно остаётся после большой человеческой суеты. В какой-то момент мимо меня проплыла детская кукла, уже разбухшая от воды, с болтающейся на нитке рукой.

С берега я только что видела эвакуацию как упорядоченный моими стараниями хаос из криков, бесконечных списков, спешной посадки и волонтёров у сходней. Из глубины открывалась совсем иная сторона этой работы. Лодки и плоты не двигались сами по себе. Их тянули никсы и гребцы. Стоило одному плоту задержаться у сходней, и за ним сразу вставал весь поток, превращаясь в одну неповоротливую массу. Вот и вся наша великая оборона. Кир защищает город, я на никсе, а наверху наверняка очередной уважаемый горожанин уже доказывает, что его тюк куда важнее жизни ребёнка.

Никс наконец вышел из-под плотов и заметно прибавил ход. Вода вокруг стала темнее и чище, шум сутолоки окончательно отступил. Я почувствовала эту перемену по пове-

дению зверя. У пирсов он нервничал из-за шума, ему не нравилось грязное течение, но здесь он пошёл ещё быстрее и увереннее.

Далёкий удар артиллерии прошёл через толщу воды тяжёлым, физическим толчком, отголосок ощутило всё тело. Никс вздрогнул, на мгновение сбился с хода, но тут же выровнялся. Я осторожно почесала его за ухом, стараясь успокоить, а сама невольно вернулась мыслями к бою на стене. Отголоски сражения за Манаан докатывались даже сюда. Оставалось только представлять, что происходит там.

На самых подходах к закрытым водам Тропоса мой никс сам сбросил ход, замедлив движение. Я тоже насторожилась.

Хорошо обученный зверь меняет ритм только по веской причине. В зелёной глубине внезапно разошлись три быстрые тени. Они не бросились на нас в атаку, не зашумели и не сделали лишнего круга, чтобы запутать. Три всадника просто профессионально заняли места веером, перекрыв мне прямой курс, путь к поверхности и на глубину.

Это был патруль Тропоса. Только они себя так ведут. Закономерно, что меня встречают уже на подходах. Всё же война идёт.

Старший поднял руку, приказывая мне всплыть. Его мощный никс плавно пристроился сбоку, только мощный хвост ходил под водой. Я мягко нажала коленом на бок своего никса, не давая ему уйти ниже, и натянула ременную петлю, принуждая своего никса всплыть. Пусть они увидят моё лицо,

увидят, что я Восходящая, и поймут, что я иду к Кингу, а не пытаюсь в спешке бежать из Манаана.

Я узнала старшего патруля гораздо раньше, чем мы оказались на поверхности и он успел заговорить.

Это был Харро Тёмная Заводь.

В детстве я много раз видела его у нижних ходов Тропоса. Младших туда пускали редко, и я тогда запомнила не столько черты его лица, сколько общее впечатление. Харро казался неотъемлемой частью границы, такой же обязательной и суровой, как каменные губы входа, копья у стражей и холодная, вечная тень под реликтовым панцирем. Позже я слышала о нём от взрослых, и смысл рассказов всегда оставался одним и тем же. Харро — страж порубежья. Искренне не любит сухопутников и никогда не тратит на них лишних слов. За него говорит трезубец.

Он тоже узнал меня, и я поняла это, едва взглянув на него. Харро Тёмная Заводь не удивился и не обрадовался. Перед ним сейчас появилась не просто голая полукровка на срочно взятом никсе, а сложная, многоуровневая задача с лицом Даны Быстрый Плавник.

Харро был Серебром. Мне вовсе не требовалась подсказка Скрижали, чтобы осознать это. От него буквально давило ощущением старой воды и накопленной спокойной силой. Рядом с таким Восходящим слабая бронза вроде меня сразу вспоминала, что кровь, родство и гордость совершенно не отменяют разницу в рангах.

Справа держалась Мейра Острый Плавник. Моя ровесница, её я знала лучше всех в этой тройке, хотя мы никогда не были близки. В юности она плавала быстрее всех мальчишек, дралась хуже своих старших братьев, но была куда быстрее и злее их всех вместе взятых, и смотрела она на любого проигравшего так, будто тот сам виноват в собственной медлительности. Сейчас передо мной была бронзовая воительница в гладком, плотно прилегающем доспехе, с коротким копьём в руке и с тем же прямым, неприятно внимательным взглядом. Она не улыбнулась, не приветствовала меня и не стала изображать любезность. Мейра держалась с правого фланга и уже заранее выбрала точку удара на случай, если я попытаюсь проскочить мимо силой.

Третьего всадника я не знала совершенно.

Молодой Восходящий ранга дерева ушёл ниже и полностью перекрыл мне глубину. Худой, длиннорукий, в новом доспехе, он очень старался выглядеть спокойным и уверенным. Получалось плохо. Его пальцы слишком крепко сжимали поводья, а никс под ним заметно нервничал из-за этой излишней жёсткости. Один из новых воинов Тропоса — один из тех, кого война уже вытащила патрулировать пучину раньше, чем он успел обрасти шрамами и дурными привычками. И всё же он занял место правильно, закрыв мне путь на глубину.

Харро медленно осмотрел меня, задержавшись взглядом на Стигмате и чужом никсе. В его взгляде не было ни капли

похоти, и это даже немного примиряло меня с его существованием.

— Принцесса, — произнёс он, и в его голосе послышались сухие нотки. — Тропос давно ждал твоего появления. Поздравляю со Стигматом.

— Спасибо. Я тоже рада, что у тебя всё в порядке, Харро, — ответила я, слегка склонив голову.

Мейра чуть опустила копьё, и я поняла, что теперь она окончательно поняла, кто перед ней, и немного расслабилась. Молодой Восходящий, сделав круг под нами, показался на поверхности. Он перевёл взгляд на старшего, но предпочёл промолчать. Разумный мальчик. Дерево в таком патруле говорит только тогда, когда старшие разрешают.

— Ты возвращаешься без свиты и сестёр, — продолжил Харро, не сводя с меня глаз. — Назови цель своего визита.

— Мне нужно к кингу, — отрезала я. — И нужно прямо сейчас.

— К кингу? Кинг принимает не всех, — спокойно ответил он, — даже если это родная кровь.

— У меня для него срочное сообщение.

— Можешь передать его через меня, Дана Быстрый Плавник.

Я медленно погладила никса по шее, удерживая забеспокоившегося зверя на месте и одновременно успокаивая его. Время стремительно уходило, и именно это раздражало меня сильнее всего. Харро просто делал свою работу. Передо

мной сейчас был не упрямец, которого можно отодвинуть простым приказом, а профессиональный воин, Восходящий, искренне уверенный в том, что он защищает Народ Белого Озера от чужой беды.

— Я пришла ввозвать к Кингу, что пора исполнить его обязанности союзника, — ответила я спокойно. — Мой возлюбленный муж и господин сейчас стоит на стене Манаана и сдерживает тысячекратно превосходящую Орду, а из города до сих пор не вывезли всех детей и раненых. Харро Тёмная Заводь, ты не будешь мешать мне сейчас и пропустишь, если не желаешь получить вызов на фионтар.

Мейра сразу же перевела взгляд на Харро. Молодой боец ниже нас перестал дёргать повод и наконец выровнял никса. Лицо старшего патруля осталось таким же непроницаемым и спокойным.

— Фионтар — поединок равных, принцесса. Если я выйду против тебя, это будет убийство, а не бой.

— Зато потом с тебя спросит Кровавый Генерал, Харро. И если твой ответ его не устроит, а он его не устроит, клянусь Звёздной Кровью, он выпотрошит тебя, как дохлую рыбу.

— Войны сухопутных всегда приходят к воде, когда им становится слишком тесно, — произнёс он, и в его голосе сквозила тяжёлая, почти осязаемая усталость. — Сначала они пытаются заманить нас обещаниями о союзе, затем начинают взывать к долгу, но в конечном итоге кровь Народа Белого Озера всё равно течёт по чужим камням, пока сухо-

путные в очередной раз спорят о высоте стен и количестве ун в своих сундуках.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение, и наконец позволила себе ответить.

— Хорошая речь, Харро. Отличная, — я слегка прищурилась, оценивая его неподвижную фигуру. — Она идеально подоёдйт для тинга или долгого вечера, когда кланеры спорят друг с другом в уютном зале, будучи сытыми, довольными и пьяными. Однако сейчас твоё красноречие просто крадёт драгоценное время у истекающего кровью города.

Харро чуть прищурился, и эта мимолётная перемена в его лице выдала внутреннее напряжение.

— Кровь Народа Белого Озера не должна течь по камням Манаана, — отчеканил он, словно произнося священную формулу.

— Хорошо, что это решает кинг, а не ты, — отрезала я, не заботясь о том, насколько резкий тон может задеть патрульного. — Ты можешь спорить со мной до бесконечности, но мой супруг, который одновременно является его родственником и верным союзником, сейчас на поле боя, а каждый твой вопрос забирает у него секунды, которые могут оказаться решающими, чтобы переломить ход сражения.

Он замолчал, и в этой тишине я почти физически видела, как в нём сражаются противоречивые чувства. Долг порубежника, старая, глубоко укоренившаяся нелюбовь к сухопутникам и вынужденное признание моего права пройти

к кингу когда угодно и по любому вопросу. Харро знал меня слишком давно и слишком хорошо понимал, что сейчас пропускает не посланника, а саму войну, облечённую в человеческую форму. Если после этого кинг выйдет из Тропоса во главе озёрной дружины, весь его патруль автоматически станет частью той самой цепочки событий, которую позже будут разбирать старейшины кланов.

— Ты стала резче, Дана Быстрый Плавник, — заметил он, и в его интонации проскользнуло что-то похожее на мимолётное уважение.

— Я стала замужней женщиной и матерью, Харро, — ответила я, позволив себе короткую, холодную усмешку. — Теперь я знаю, за кого сражаюсь, просто поверь, это ещё не резкость. Лучше сейчас не испытывай моё терпение, потому что последняя его капля покинула меня ещё неделю назад.

509.

Мейра, стоявшая рядом, фыркнула, и на мгновение сквозь её жёсткость бронзовой Восходящей и профессиональную выдержку проступила та самая дерзкая девчонка, которую я знала и которая когда-то без зазрения совести лупила мальчишек. Молодой Восходящий, стоявший чуть поодаль, явно растерялся, не понимая, уместно ли сейчас смеяться, и в итоге выбрал самый безопасный вариант, сделав вид, что совершенно ничего не слышал.

Харро молча повернул своего никса боком, тем самым освобождая проход и завершая этот короткий поединок характеров.

— Хорошо, принцесса. Кинг услышит тебя, — сказал он, отплывая на мощном никсе в сторону. — А затем всё Белое Озеро узнает о том, какие именно вести ты принесла в Тропос.

— Конечно, пусть узнают побыстрее, собирают рати и готовятся к войне. А то останутся с позором, без славы и добычи, — ответила я, проводя никса мимо него. — Я пришла не милостыню клянчить, Харро, а призвать союзника исполнить данные обещания.

Он сделал короткий, властный знак Мейре и молодому бойцу, и патруль взял меня под сопровождение. Харро уверенно пошёл впереди, задавая ритм, Мейра держалась спра-

ва, а новый Восходящий остался позади. Теперь он уже не скрывал своего жгучего любопытства и поглядывал на меня гораздо чаще, чем того требовали приличия. Впрочем, я его прекрасно понимала. Сереброволосая полукровка, жена Кровавого Генерала, спорная родня кинга, срочный никс и война, застывшая на кончике языка — для нового бойца Тропоса этот древодень определённо перестал быть обычным учебным выходом.

Я крепче перехватила кожаную перевязь и последовала за Харро. Теперь меня вели к кингу, но в этом движении не было ни смирения пленницы, ни почтения гостьи — меня вели как свою, за которой всё равно нужно присматривать, чтобы она не натворила дел. В суровых реалиях Белого Озера такая осторожность была почти эквивалентом признания.

Харро вёл меня к нижнему входу в Тропос, и я сразу заметила, что он намеренно выбрал не самый короткий, а самый правильный с точки зрения патрульной тактики путь. Он не пытался задержать меня открыто, не устраивал дешёвых проверок и не пытался изобразить власть там, где эта власть всё равно принадлежала кингу, но каждый поворот, каждый боковой ход и каждый оценивающий взгляд стражей напоминали мне, что я уже вошла в самое сердце твердыни Народа Белого Озера. Здесь никто не был обязан верить словам, принесённым с сухопутной войны, но они признавали право моей крови.

Я продолжала сжимать перевязь никса, ощущая, как плот-

ность и температура воды меняются с каждым метром. У Речных Башен всегда возникало ощущение вековой обжитости, и это всегда раздражало меня, ведь я росла между двумя берегами и слишком остро понимала, что родовая вода принимает меня охотнее сухопутных горожан, но всё равно никогда не принимает до конца.

Впереди, из вязкой зелёной темноты, постепенно выступила массивная, тёмная громада Тропоса.

Я видела его далеко не в первый раз, но каждый раз внутри меня сжималось что-то старое, упрямое и болезненное. Сухопутные привыкли называть Тропос крепостью, высеченной в скале, потому что им требовалось максимально простое объяснение, которое было удобно вносить в карты, доклады и обсуждать за обеденным столом. Однако Народ Белого Озера жил в реликтовых останках существа, которое в незапамятные времена носило на себе собственный лес, целый маленький мир. Его колоссальный панцирь сросся с камнем, и теперь на изгибах древних рёбер я видела не работу каменотёсов, а застывшую форму живого тела, слишком огромного, чтобы обычный человеческий разум мог принять его без внутреннего сопротивления.

Харро прошёл первым между двумя каменными выступами, которые в полумраке напоминали сжатые губы гиганта. Его никс послушно нырнул ниже и исчез в боковом канале, и мой зверь, повторяя это движение, последовал за ним. Я в последний раз оглянулась назад, туда, где за пеленой водной

дымки на огромном расстоянии остались Речные Башни, и тут же мысленно выругала себя за эту слабость. Оглядываться было уже слишком поздно. Я сделала свой выбор ещё тогда, когда понесла сына от сухопутника, и теперь поздно было изображать, будто священные воды Белого Озера смоют с меня последствия.

У внутреннего входа мы выбрались на каменную полку, где вода доходила мне до пояса. Соскользнув со спины никса, босыми ступнями я встала на гладкий тёмный камень и лишь тогда по-настоящему осознала, насколько изменилось всё вокруг. После озёрной пучины воздух в Тропосе казался плотным и тёплым, наполняя грудь ощущением изолированности. От стен тянуло минералами, рыбой и водорослями; их аромат переплетался с влагой, создавая атмосферу, в которой я могла бы утонуть — и было бы приятно, если б не эта гробовая тишина. Под моим телом атлетичное движение воды всё ещё складывало привычные чары, а мои первые шаги по камню вызывали сбой чувственного восприятия, словно я вновь возвращалась к странной реальности, заблудившись среди забытых глубин.

Я провела ладонью по холке никса и, коротко поблагодарив его привычным хлопком, отпустила повод подростку-служителю. Мальчишка вынырнул из бокового канала столь плавно, словно действительно ждал нас там всё утро. Перехватив уздечку, он отвёл зверя в сторону и не спешил пялиться на меня, его взгляду вполне хватало холодной ре-

шимости. Умный. В Тропосе быстро учили видеть только то, что велено старшими, и не распоряжаться своим вниманием только на то, что кажется интересным.

Стражи у входа узнали меня. Два бронзовых Восходящих в гладких, гибких доспехах опустили копья так низко, что это признание было почти под стать противоречивым отношениям, преобладающим между войной и миром, — достаточно низко, чтобы предоставить мне проход, и достаточно высоко, чтобы помнить, где я нахожусь в этой иерархической структуре. Прошла между ними, чувствуя их взгляд на затылке, бёдрах, Стигмате и распущенных мокрых волосах. В Манаане на меня смотрели как на женщину, неожиданно снявшую платье посреди пирса, заваленного народом. Здесь всё было иначе. Здесь они видели спорную кровь, бывшую подданную Кинга, жену сухопутного Кровавого Генерала и посланницу войны, вернувшуюся к родным водам, но не с победой, а с клятвой — с последним обращением о помощи.

Я расправила плечи и подняла подбородок. Не было смысла стыдиться, и уже тем более не было для этого времени. Стыд можно было пережить позже, если такое «позже» вообще наступит. А сейчас мне требовалось собрать все силы и моральные обязательства, чтобы спасти свой народ и своего мужа.

Харро шагал впереди, и я старалась не сбиваться на бег, следуя за ним, сосредоточившись на каждом изгибе. Ходы Тропоса тянулись плавными изгибами, и каждое движение

напоминало, что синонима слова «коридор» здесь не было. Мы шли внутри древнего тела, обвившегося вокруг камня утёса, а не по вырезанному проему в крепости. Мейра держалась справа и чуть позади, молодой Восходящий шёл слева, старательно уставившись перед собой. У него изо всех сил получалось пытаться убедить себя, что голая принцесса, стремительно явившаяся из Манаана к Кингу, не является главным событием его дежурства. Получалось хуже, чем простая закладка на глубине.

— Дана... — тихо произнесла Мейра, и я повернула голову, встретившись с ней взглядом.

— Да? — ответила я, чувствуя, как сталь её решимости пронзает не только меня, но и эту мрачную атмосферу.

— Насколько всё плохо в Манаане? — спросила она, не скрывая беспокойства. — Мы дрались в Лагуне и нанесли урон врагу, утопив на переправе столько ургов, что со счёта сбились. Донные падальщики пируют до сих пор. Сколько их осталось ещё?

— Их осталось ещё в тысячу раз больше от того, что вы утопили, может быть, даже больше. Сосчитать пока не удалось, — ответила я, стараясь придать голосу уверенность. — В Манаане всё очень плохо. Стена пробита. Первая атака отбита, но враги неизбежно пойдут на новый штурм.

Мейра сняла шлем, кидая его в сторону, и кивнула. На её спине распустилась роскошная грива чёрных, как смоль, волос. Свет солнцекамня ложился на её мокрую кожу мягкими

жёлтыми пятнами. Отмечала это машинально, потому что в Тропосе оружие никогда не было украшением. Здесь каждая деталь — от ремней до копий — имела своё предназначение, учитывая жестокую реальность, ожидающую своего часа. В Манаане война ломала спокойный уклад жизни, заставляя людей переосмыслять свои роли. Здесь же законы военного времени лишь ждали своего часа, как старый хищник.

В боковых каналах двигались озёрники. Кто-то, узнав Харро, незамедлительно уступал дорогу, а те, кто меня знал, задерживали взгляд на долю секунды дольше, чем это прилично. Несколько женщин остановились у стены, и одна быстро коснулась пальцами своего горла. Старый знак. Не приветствие и не сочувствие, а признание родной крови, вернувшейся домой с бедой. Я ответила ей коротким наклоном головы, как того требовали приличия и традиции.

Харро ничего никому не объяснял и не отвечал на вопросы. За это молчание я была ему благодарна. Каждое лишнее слово могло стоить защитникам Манаана жизни.

После последнего поворота проход резко расширился, и я вошла в тронный зал.

Сначала масштаб ударил в плечи, высоко и мощно, словно древний дух Тропоса сам решил проверить, достаточно ли смелого духа у пришедшего. Ноги мои словно потеряли опору. Я подняла голову и увидела зал целиком. Внутреннее пространство Тропоса уходило вверх уступами. В боковых стенах темнели каналы, в нишах горел солнцекамень, стра-

жи стояли у стен, старшие кланов сидели у подножия трона, служители замерли в ожидании приказов, и всё это огромное пространство сосредоточилось на моей фигуре, терявшейся в гигантском масштабе.

В глубине зала, на троне из реликтового панциря и драгоценного тёмного лиора, сидел Кинг Ришато.

Водяной Змей.

Увидела его и сразу вспомнила, что значит настоящая власть Белого Озера. Он был старым, даже древним, высоким и могучим, слишком подвижным для своего почтенного возраста. Его бледная кожа, покрытая синими узорами на груди и плечах, сияла под светом солнцекамня. Ожерелье из раковин, янтаря, зубов и солнцекамня, находящееся на его могучей груди, создавало эффект неизменной силы, что высветляло само его существование. Боевой трезубец стоял у подлокотника, напоминая всем, что для того, чтобы кого-нибудь убить, Кингу не обязательно звать стражу. Он отлично мог справляться с этим сам. С ним было тяжело найти общий язык, но он вне всяких сомнений был одним из сильнейших. Сильные воины Народа Белого Озера редко суетятся рядом со своим оружием. Им не требуется никому доказывать, что они умеют им пользоваться.

А Ришато мастерски обращался как с трезубцем, так и с мечом. О его легендарном мастерстве существовали завистливые слухи, а его изначальные атрибуты оставались в мифах. Точных параметров я не знала, и, возможно, никто не

знал, но в Белом Озере о пределах Кинга говорили осторожно. Одни уверяли, что он давно упёрся в верхнюю границу серебра, другие считали, что он просто скрывает часть силы, а сам Водяной Змей, как и положено старому правителю, никому ничего не объяснял.

А я предстала перед ним слабой бронзой, голая, мокрая, и очень хорошо понимавшая разницу между правом говорить и правом заставить себя услышать.

Кинг смотрел на меня долго. Весь тронный зал затих.

Внутри собралось больше различного народа, чем я ожидала, пока добиралась сюда. Помимо старшин кланов, я узнала несколько торговцев жемчугом, двух представителей дальних поселений и старика с характерными шрамами охотника на глубинных хищников. Все они сидели на каменных уступах в строгом порядке, определённом родовыми правами и заслугами перед Белым Озером. Мужчины в коротких плащах из рыбьей кожи, женщины с узорными браслетами из кораллов, старцы с длинными седыми волосами, заплетёнными в сложные косы сидели, стояли и возлежали. Но никто из них не разговаривал, никто не шептался за спиной соседа. Все замерли в почтенном молчании. Они ждали.

Высоко наверху, под куполом зала, переливались отблески света, отражённого от водной глади внутренних каналов. Эти блики двигались медленно, создавая ощущение, что весь Тропос дышит размеренно и глубоко.

Я склонилась в почтительном глубоком поклоне. Кинг Ри-

шато поднял руку в приветственном жесте. Жест был неторопливым и ленивым, но народ в тронном зале будто бы затаил дыхание.

— Рыбка моя, Дана, — произнёс он наконец, и голос его прозвучал глубоко, с особой интонацией, которая появляется у людей, привыкших отдавать приказы и повелевать. — Добрые Воды Белого Озера принесли тебя в мой дом быстрее приличий...

Услышала в этих словах и насмешку, и упрёк, и признание. Кинг не делал вид, что не понимает, зачем я предстала перед ним. Он просто хотел услышать, как именно я буду просить его о помощи. В этом было типичное коварство старого правителя — заставить просителя самого выбрать слова, которые потом можно будет повернуть против него же.

Сделала шаг вперёд, чувствуя, как камень холодит босые ступни. Вода всё ещё стекала с волос, оставляя мокрые следы на полу.

— Я всегда рада приветствовать тебя, Кинг, — начала я, и голос прокатился под сводами гигантского зала громче, чем рассчитывала. — На пиру я первой поднимала кубок за твоё правление и здравие, а на войне или охоте поднимала свой гарпун за тебя, но сейчас я предстала пред тобой просителем.

— Преданность и храбрость Даны Быстрый Плавник ни у кого не вызывает сомнений, — спокойно кивнул мне Ришато, но в его взгляде я уловила довольный огонёк. — Если кто-то из собравшихся может возразить, пусть не молчит,

как рыба, а прожурчит всё что ему известно...

Кинг неторопливо обвёл взглядом весь зал. Лёгкий ропот пронёсся над собравшимися, но никто ничего не сказал. А я стала догадываться о его игре.

— Рыбка моя, — наконец обратил он своё внимание на меня. — Подойди же ко мне ближе и поведай старому донному крабу, что привело тебя сюда.

Я шагнула вперёд.

— Манаан стоит на краю гибели, Кинг. Стена пробита, защитники истекают кровью, а Орда несёт смерть и за каждого своего убитого присылает тысячи бойцов. Тот, кого ты избрал моим мужем и господином, Кир Кровавый Генерал, сейчас держит оборону, но без помощи Белого Озера город падёт до заката.

По тронному залу прошёл едва заметный шорох. Один из старшин тихо вздохнул, женщина в дальнем углу поправила браслет на лодыжке. Эти мелкие движения говорили больше громких слов — все знали, что война придёт и сюда рано или поздно, но никто не хотел думать о том, что это «поздно» уже наступило этим непогожим утром.

Кинг склонил голову набок, и украшения в его волосах тихо зазвенели.

— Сухопутные войны всегда приходят к воде, когда земля не может их прокормить, — сказал он задумчиво. — Сначала они зовут нас союзниками, потом просят помощи, а в конце требуют крови. Скажи мне, рыбка, что принесли твои

быстрые плавники взамен Белому Озеру?

Вопрос прозвучал спокойно, почти дружелюбно, но я понимала — сейчас решалось всё. Кинг не станет тратить жизни своих воинов из сочувствия к погибающему городу. Ему нужна выгода, ощутимая и понятная.

— Я принесла правду, Кинг, — ответила, стараясь говорить ровно. — Если Манаан падёт, Орда пойдёт дальше. Следующей целью станет Белое Озеро. Ты можешь сражаться с ними сейчас, плечом к плечу с союзниками, или встречать их в Тропосе, оставшись в одиночестве.

Я снова поклонилась, однако спину согнула ровно настолько, чтобы признать его сан, но не молить о снисхождении. Я явилась сюда не за подачкой или родовой нежностью. А приплыла за решением, от которого там, у пробитой стены, зависели сотни, если не тысячи жизней.

— Мой супруг, — произнесла я, и каждое слово легло на камень зала тяжким грузом, — твой родич и твой союзник, нуждается в помощи Народа Белого Озера.

За моей спиной послышался сдавленный выдох Харро, и я нутром поняла его недовольство. Слишком прямо. Слишком скоро. Слишком мало родового журчания, обязательного перед троном могучего родича. В здешних традициях следовало сперва долго рассказывать о здоровье родных, о знамениях в воде, об улове и лишь потом, иносказательно, подводить разговор к сути дела. Но пусть Харро морщится. Сейчас у пролома в стене считали не изящные обороты речи, а

воинов, кто ещё мог держать оружие в руках.

510.

Кинг неспешно положил широкую ладонь на древко своего трезубца, его длинные пальцы, унизанные драгоценными артефактными перстнями, медленно обхватили его.

— Ты зовёшь повелителя вод на войну сухопутных, Дана Быстрый Плавник. Зовёшь моих воинов умирать за чужой город и интересы.

— Я призываю Народ Белого Озера исполнить союзный долг родной крови, — ответила я, вкладывая в голос всю твёрдость, на которую была способна. — И не остаться в одиночестве против жестокого и многочисленного врага.

В зале кто-то из старшин беспокойно переступил с ноги на ногу, слабый, шаркающий звук мгновенно утонул в давящем, густом молчании. Я не стала искать взглядом того, кто не выдержал напряжения момента. Если начать вылавливать каждую чужую реакцию, можно упустить нить главного разговора, а цена этому — жизни и жизни.

— Когда ты была моей подданной, твоя кровь журчала в обе стороны, — негромко, но властно произнёс Кинг. — Дочь воды и сухопутника. Неудобная кровь. И напомнила ты мне про неудобный долг.

Слова его вонзились в цель, внизу живота всё мгновенно съёжилось и похолодело. Он говорил бесспорную правду. Именно поэтому мне отчаянно захотелось ответить рез-

ко, хлестнуть его словами в ответ. Напомнить, кто и когда закрывал глаза на нужды моей матери, кто держал нас, полукровок, на самом краю родовой иерархии, кто милостиво вспоминал о нашем родстве лишь тогда, когда это ничем не грозило благополучию кланов. Я сглотнула вскипевшую желчь. У пролома стены Манаана не было времени на семейные счёты, какими бы справедливыми они ни казались мне сейчас. Это всё неважно.

— Ныне кровь моя течёт в сторону моей семьи, — отрезала я. — А моя семья связана с тобой узами родственного союза. Кир, мой муж, держит пролом. Несколько часов назад его «Испепелитель» сжёг осадные машины, но вторая волна ургов уже идёт к стенам. И их тысячи и тысячи, кинг. Если мы станем говорить слишком долго, Манаан потеряет то драгоценное время, что сейчас покупается кровью его защитников.

Ришато медленно поднялся с трона. В его движении не было ни старческой осторожности, ни немощи. Он был подобен древнему левиафану, всплывающему из глубин. Его пальцы сжали трезубец, и желтоватый свет солнцекамня хищно скользнул по трём смертоносным остриям.

— Ты понимаешь, чью кровь ты зовёшь пролиться на эти серые камни?

— Понимаю, — без колебаний ответила я. — Поэтому и я и пришла просить тебя сама, патриарх.

Он смотрел на меня так, словно взвешивал на невидимых

весах не мои слова, а всё, что за ними стояло и Речные Башни, и Кира, и сам Манаан, и упрямство кланов, и будущий тинг, и моего сына, и мою собственную спорную кровь, и гордость рода. Старые правители доживают до седин и сохраняют власть не потому, что умеют красиво восседать на троне. Они видят цену там, где прочие видят лишь мольбу.

— Если я пойду, за мной пойдёт и моя дружина, — он говорил так, словно размышлял вслух, но каждое слово его было обращено ко мне. — За моей дружиной поднимутся ближние кланы, а за ближними кланами к оружию будут призваны и дальние. За моей кровью потянется кровь всего Белого Озера. Если я не вернусь, рыбка, на тинге спросят, кто принёс в Тропос эту войну.

— Обязательно спросят, кинг, — подтвердила я. — Я не стану прятаться за спину Кира. Мой господин и супруг приказал мне руководить эвакуацией. Я оставила людей у Речных Башен лишь потому, что твой ответ был нужен немедленно. Нельзя терять ни мгновения, патриарх. На одну чашу весов брошены жизни твоих союзников, родичей и победа, на другой — их смерть, поражение и позор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.